

С. М. АЛТЫБАЕВА

(Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика
Казахстан)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРРАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования документального и квазидокументального нарратива в современной казахской прозе. Исследуется природа события и персонажа с точки зрения нарратологии. Выделяются отдельные концепты и мифологемы.

Ключевые слова: наррация, документ, квазидокументальный нарратив, событие, концепт, персонаж.

Тірек сөздер: наррация, дерек, квазидеректі нарратив, уақиға, концепт, кейіпкер.

Keywords: narration, document, quasidocumentary narrare, event, concept, person.

«Степная земля бесконечна, как время...»

Казтуган жырау

Современная художественная проза Казахстана представляет собой большое диалоговое поле различных подходов как к выбору самой тематики, так и к отбору определенных повествовательных стратегий. Анализ динамики казахской литературы последних 20-30 лет показывает наличие нескольких взаимосвязанных между собой философско-концептуальных, идейно-тематических комплексов:

- возрождение национальной культуры и духовности;
- глобальная экологическая тематика;
- обращение к древней и недавней истории казахского народа, в том числе трагическим страницам истории коллективизации, репрессий, голодомора, а также современным реалиям и событиям;

- сложный противоречивый внутренний мир современного человека, его взаимоотношения с окружающим миром и самим собой*. Возможно, поэтому художественная разработка указанных и других тем детерминирует поиск и нахождение современными казахскими авторами различных повествовательных стратегий, требующих определенного научного осмысления, в том числе и с нарратологической точки зрения.

В рамках данной статьи нас интересует проблема формирования документального и квази-документального нарратива, наиболее четко проявляемого в современной казахской прозе исторической направленности, а также постмодернистских произведениях с их центральной установкой на «множественность интерпретаций», в том числе значимых событий национальной и мировой истории. Начнем с рабочего определения документального и квазидокументального нарратива в структуре повествовательного текста. Документальный нарратив – прямо (цитатно) или косвенно (аллюзивно) представленный в художественном тексте фактографический материал, повествующий об исторических событиях, персоналиях, включающий также различные дескриптивные элементы, зафиксированный в историографических, этнологических, археологических, статистических, архивных, фольклорных и иных источниках. Квазидокументальный нарратив – вымышленные (чисто фикциональные) тексты и иные нарративы, представляемые нарратором (нарраторами) в качестве документов, иного фактографического материала, подтверждающих либо опровергающих ту или иную точку зрения нарратора и/или персонажа. В конкретном художественном тексте оба отмеченных вида нарратива, как правило, могут пересекаться, взаимодействовать, дополнять основные сюжетные линии. Включение документального и квазидокументального нарратива имеет своей целью создание впечатления максимальной достоверности, правдоподобия событий, о которых повествуется в произведении, в конечном счете, погружения читателя в сложный, неоднозначно трактуемый, часто табуированный, мир национальной и мировой истории.

Можно выделить некоторые повествовательные функции казахского исторического романа: панорамная художественная репрезентация, осмысление и переосмысление известных исторических событий; «точечное» изображение отдельного события, определение его философско-онтологической направленности; реактуализация нематериального культурного наследия через возвращение знаковых для национальной культуры письменных памятников.

Если взять за основу идеи Вольфа Шмида о событиях (происшествиях) как «фикциональном материале, служащем для нарративной обработки» [1, с.25], то таким материалом для авторов становится практически ничем неограниченный огромный массив документально, письменно либо устно (к примеру, в казахских героико-эпических сказаниях) зафиксированных событий и происшествий. Ключевая фигура первичного нарратора при этом часто скрыта, завуалирована, ведь и само содержание национальной истории, отдельные фрагменты которой ложатся в основу того или иного произведения, в разных историографических источниках может быть интерпретировано по-разному.

* Более подробно данный вопрос освещен в монографии автора «Казахская проза периода независимости: традиция, новаторство, перспективы» (Алматы, 2009. – 352 с.).

Возникает вопрос о достоверности/недостоверности отобранных и повествуемых в тексте элементов, но что более важно – насколько эстетически обосновано их включение в повествовательный фикциональный текст. Отрефлексированные и закрепленные в историографических трудах многие (но не все) исторические события, организованные в особую «смысловую линию» [1, с.29], в художественном произведении приобретают большую рельефность, значимость и даже убедительность, ибо, помимо информативной функции, истинно художественное произведение обладает «силой эстетического воздействия» (Ю.М.Лотман).

Через исторический (историко-культурный), документальный или квазидокументальный нарративы, встроенные в художественный текст, происходит своеобразное «уплотнение информации» (Ю.М.Лотман), ее спрессовывание посредством системы культурных кодов, этнических концептов и универсалий. Ведь чем плотнее некая субстанция, в особенности историческая информация, тем сильнее эффект воздействия, в том числе эстетического, на реципиента.

В связи с этим уместно привести слова Ю. М. Лотмана о том, что «историк обречен иметь дело с *текстами*. Между событием «как оно произошло» и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Историк предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событие» [2, с.336]. Для писателя, работающего в историческом жанре, поле нарратива может быть ограничено лишь мерой его осведомленности и таланта. Историко-культурная, этнологическая информативность подобного нарратива равно, как и его коммуникативные возможности достаточно объемны.

История народа непосредственно связана с вопросами формирования государственности и этноидентичности. К примеру, в романе «Саки» [3] перед автором стояла весьма о трудная задача – показать художественными средствами в максимально широких границах истоки казахской государственности, формирования национального менталитета, культуры и духовности. Много-плановое романное повествование как концептуальное решение указанной сверхсложной эстетико-мировоззренческой задачи по особому структурирует текстовое пространство. Оно становится многомерным, полисобытийным, связанным с «авторской системой моделирования мира» (Ю.М.Лотман).

Важная роль в процессе структурирования повествовательного текста принадлежит введенным в него концептам, составляющим его своеобразные смысловые опоры. Н.В.Володина предлагает определение концепта как «смысловой структуры, воплощенной в устойчивых образах, повторяющаяся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [4, с. 19]. Далее она выделяет «персонажные концепты», уточняя, что, «как правило, это герои, которые входят в национальную мифологию, в том числе со своими персональными именами» [4, с.20-21].

Таковыми персонажными концептами становятся, к примеру, образы легендарной сакской царицы Тумар (более известной как Томирис) («Саки» Б.Жандарбекова) и Кабанбай батыр («Дарабоз» К.Жумадилов). Это целостные художественные образы. Одновременно это концептуальные образы – символы, отражающие идею национального единения, свободолюбия, отваги. Служение родному народу – основная коннотация

указанных образов, детерминирующая их действия, ментальность, даже эмоциональную сферу. Разработка подобных персонажных концептов в современном казахском искусстве продолжает известную фольклорную традицию казахского героического эпоса (к примеру, об Алпамысе батыре, Камбар батыре, Кобланды батыре и многих других).

С. А. Каскабасов, выделяя определенную «нормативность казахского фольклора» [5, с.41], обосновывает интересные и в аспекте нарратологии выводы о характере событийности и в целом сюжетики казахского эпоса: «Эпический сюжет – это цепь последовательно излагаемых событий, а события – это различные приключения героя во время странствия, трудности, с которыми он сталкивается... Сюжет развивается не на основе внутренних противоречий, а путем контаминации различных мотивов и побочных ситуаций, что позволяет прервать его в любом месте или продолжить дальше» [5, с.40]. Конечно, вопросы исследования событийности конкретного казахского эпоса, природы его «имплицитного автора» (В.Шмид) заслуживают отдельного исследования.

Значительная часть повествования в романе «Саки» дана через восприятие Томирис, выступающей, на наш взгляд, вторичным нарратором (по терминологии В.Шмида). Каковы же пропорции вымысла и достоверности в создании данного образа? Факты реального существования и правления Томирис в VI веке до н.э., хроники освободительных войн саков под ее предводительством против персидского царя Кира и его сына Дария зафиксированы в мировой и казахстанской историографии. К примеру, хрестоматийным является высказывание, данное Геродотом: «Покорив Азию и подчинив своей власти весь Восток, Кир пошел войной на скифов. У скифов (синонимичное название саков в западной традиции – А.С.) в то время была царица Томирис» [6]. Далее Геродот воспроизводит события главного сражения между саками и персами, в результате которого персидское войско было разгромлено, а «царь всех царей» Кир повержен и обезглавлен. Другими словами, стремление к адекватной информативной передаче событий, представленных древним нарратором, а у номадов часто изустно передаваемых от поколения к поколению, становится у современного автора главным критерием отбора событий для романного пространства.

Ведь для исторического жанра в художественной литературе достоверность или, точнее, максимальное приближение к достоверности и правдивости выступает важным, если не основным, категориальным признаком жанра. В противном случае мы имеем дело с квазиисторией или вариацией на ту или иную тему. В то же время это и вопрос исторической памяти, ее полноты и объективности. Грань между художественной правдивостью и исторической достоверностью тонка, нарушение которой может вызвать «утрату любого чувства истории и как надежды, и как памяти» (П.Андерсон). Тогда говорить о какой-либо эстетической, мировоззренческой или иной ценности произведения вовсе не придется.

В диалогии «Саки» следует отметить, помимо исключительно насыщенной фикциональной событийности, обилие этнографических, географических, биографических сведений, философских отступлений, комментариев «нарратора «за кадром» по различным вопросам этики и морали изобретаемых древних обществ Степи и Востока. Эти детали, имеющие четкую проекцию на современность, образуют своеобразный дескриптивный каркас романа. Важно, что в романе достаточно правдиво

передана не только цепь взаимосвязанных исторических событий конкретного периода, но сама атмосфера предыстории, подготовки и проведения легендарного сражения (события). Введены широкополосные красочные описания религиозных, магических, ритуальных действий, обрядов, походного быта, особенностей и различий военной стратегии и тактики саков и персов, вооружения, одежды, поведения и т.д. Указанные «мета-нарративные замечания» (экзегезис, по В.Шмиду) гармонично ложатся в собственно событийную канву романа. Здесь следует отметить, что мета-нарративные замечания, различные пояснения, описания, комментарии, лирические отступления первичного нарратора (назовем его нарратором «за кадром») как характерный жанрово-стилевой признак современной казахской исторической прозы отражают национальную эпическую традицию (начиная с архаических героических эпосов) и ментальность. Происходит своеобразное «растяжение» [1, с.32] изображаемого, «осуществляется идеологическая, оценочная точка зрения» нарратора, причем «растягиваемые эпизоды важнее сжатых» [там же]. Для нас данный тезис В.Шмида интересен потому, что в казахской исторической романистике использование нарративного приема «сжатия/растяжения изображения» является одним из структуро-образующих элементов поэтики и построения концептосферы произведения.

В связи с этим актуализируется вопрос о включении, целеполагании и функциональной на-правленности мифологического (мифологизированного) сегмента в повествовательный ресурс рассматриваемого романа. Анализ показывает, что включение в повествование мифологем, мифосюжетов различной этноориентации значительно «растягивает» изображаемые события. Нарратору удается воссоздать, реконструировать чрезвычайно отдаленный во времени древний мир Азии и Востока (VI век до н.э.!) посредством выбранных им из неограниченной массы историографических сведений, персоналий, «событий, ситуаций, лиц и действий, их свойств», (порождающая модель нарративного конституирования В.Шмида [1, с.27].

Цель подобной реконструкции – воссоздать широкий исторический фон, атмосферу, в которой творится повествуемая история (как цепь событий), но и отразить в панорамной историко-культурной ретроспективе движение цивилизационных процессов древнего Востока и Азии, немало-важную роль в которых сыграла дикая степная вольница сакских племен. С первых же страниц романа, ретроспективно представляющих историю создания могучего союза сакских племен за много лет до самого события, читатель словно окунается в беспредельность степных просторов, равную необузданным амбициям степных вождей [3, с.10]. «Нарратор за кадром» задает большую пространственно-временную протяженность романа: предшествующие события ↔ повествуемое событие ↔ последующие, будущие, предположительные, в известном смысле умозрительные, события.

В ряду отобранного нарративного материала особняком стоят мифологические персоналии, приобретшие статус «персонажных концептов» (термин Н. В. Володиной). Их можно условно разделить на собственно прототюркские, сакские персоналии (Ишпакай, Мадий, Партатуа, Томирис, Спаргапис, Рустам и др.) и вошедшие в арсенал глубинных архетипов мировой истории и культуры известные персоналии древнего Востока (цари Кир, Навуходоносор, Валтасар, Гомер, Крез, фараон Псамметих и мн.др.). Это действующие персонажи, каждому из которых отведено определенное текстовое

пространство, каждый из которых связан со многими другими персонажами прямо или опосредованно, каждый из которых структурирует особую «внетекстовую реальность», близкой по своей природе той, что создает ученый-историк, по мысли Ю.М.Лотмана.

«Внетекстовая реальность» может включать в себя различные описания жизни, психоло-гического облика, смысловые и синестезийные ассоциации, аллюзии, реминисценции, отсылки к другим историям и образам. К примеру, введенный в повествование образ лидийского Креза моментально вызывает в сознании читателя метафору «богат, как Крез». В казахском романе Крезу сообщены дополнительные иронические коннотации: «Царь Лидии Крез, который по утверждению древних авторов, прославился не только богатством, но и мудростью, на свою беду оказался, подобно Астиагу, слепым рабом суеверия. Он и шагу не делал, не получив благополучного предсказания жрецов, оракулов, прорицателей и гадалок. Дело в том, что ему была предсказана ужасная судьба за сто двадцать пять лет до его воцарения на престол Лидии, и страх в этом чело-веке победил его воспетую современниками мудрость» [3, с.150]. Этот персонаж будет не еди-ножды появляться на страницах романа, поскольку его судьба тесно переплетена с судьбой центрального героя-антагониста – ахемениды Кира, советником которого станет побежденный лидийский царь.

Отдельный встроенный пласт романа составляет описание пантеона многочисленных богов, священных существ, ритуалов и обрядов различных народов: саков, вавилонян, мидян, египтян, персов, греков и других. Детализированное, подчас метафорическое, представление этнокуль-турных, религиозных, культовых, обрядовых, ментальных особенностей как сакских племен, так и окружавших их народов, является характерной чертой поэтики анализируемого романа. Включе-ние в единую персонифицированную диалогическую сферу известных мировых образов-символов, мифологических и фольклорных сюжетов, описание специфики военной стратегии различных народов, ее худо-жественная «апробация» через введение значительного числа батальных сцен позволили писателю создать обладающее внутренним единством и сюжетно-событийным динамизмом неординарное произведение. Фрагментное повествование об одном событии (например, отдельного сражения) такую художественную задачу не решило бы.

Документальный нарратив диалогии также создается посредством интертекстовых включений, к примеру, в качестве эпиграфов к частям второй книги диалогии «Подвиг Ширика» цитируется знаменитая Бехистунская надпись Дария I с подробным описанием деяний и событий из жизни последнего, ассирийских надписей IX века до.н.э.

Если говорить о центральном этноориентированном концепте романа, то это, безусловно, историософема «саки». Факт «установления генетических связей казахского общества со своими предшественниками – древними саками, усунями» [7, с. 7] документально подтвержден «сохра-нением у казахов археологически прослеживаемого антропологического типа, элементов мате-риальной культуры, искусства, ремесел своих предков. На основе палеоантропологических и краниологических исследований установлена преемственность антропологического типа в Казахстане на протяжении трех тысячелетий» [там же]. Наррация данного романа включает в себя разветвленный событийный ряд, отражающий специфику сакского общества, его организации, мировоззренческих и ментальных особенностей.

В ряду значимых для концептосферы романа сквозных концептов и мифологем можно назвать следующие: *акинак, огонь, тамга, боевой клич (уран)* и многие другие. Указанные мифологемы, отражающие специфику миропонимания и мироустройства саков, придают произведению необходимую текстовую упругость, ритмизацию. К примеру, почитание огня является важным компонентом этнического сознания номадов. Б.Жандарбеков включает специальные сцены ритуальных действий – очищения огнем, обращения к огню, которые проводят Томирис со старейшинами перед важным сражением.

Таким образом, в романе «Саки» можно отметить наличие объемного плана историко-документального нарратива, отражающего зафиксированные в мировой историографии факты истории и культуры древних номадов. Он играет роль важного, но дополнительного средства в событийной канве романа. В создании же впечатления многомерного художественного пространства, в сюжет-ном движении основное значение, конечно, имеет насыщенный фикциональный материал, вымышленные события и персоналии. Отдельные выводы статьи могут быть использованы при анализе других казахских исторических произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1 Шмид В. Нарративные уровни «события», «история», «наррация» и «презентация наррации» // В сб. докладов: Текст. Интертекст. Культура. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 25-40.

2 Лотман Ю.М. Проблема исторического факта. Режим доступа: <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html>

3 Жандарбеков Б. Саки. Исторический роман-диалогия. – Алматы: Жазушы, 1993. – 624 с.

4 Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. Монография. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 256 с.

5 Каскабасов С.А. Казахская сказочная проза. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 240 с.

6 Цит. по: Байпаков К.М. История древнего Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 61.

7 Джанибеков У. Эхо... По следам легенды о золотой домбре. – Алма-Ата: Өнер, 1990. – 304 с.

REFERENCES

1 Shmid V. Narrativnye urovni «sobytiya», «istoriya», «narracija» i «prezentacija narracii» // V sb. dokladov: Tekst. Intertekst. Kul'tura. M.: Azbukovnik, 2001. S. 25-40.

2 Lotman Ju.M. Problema istoricheskogo fakta. Rezhim dostupa: <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html>

3 Zhandarbekov B. Saki. Istoricheskij roman-dilogija. Almaty: Zhazushy, 1993. 624 s.

4 Volodina N.V. Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedenija. Monografija. M.: Flinta, Nauka, 2010. 256 s.

5 Kaskabasov S.A. Kazahskaja neskazochnaja proza. Alma-Ata: Nauka, 1990. 240 s.

6 Cit. po: Bajpakov K.M. Istorija drevnego Kazahstana. Almaty, 1995. S. 61.

7 Dzhanibekov U. Jeho... Po sledam legendy o zolotoj dombre. Alma-Ata: Өner, 1990. 304 s.

Резюме

С. М. Алтыбаева

(Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы)

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ПРОЗАСЫНЫҢ КЕЙБІР ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Мақалада қазіргі қазақ прозасының деректі және квазидеректі нарративты қызметінің мәселелері қарастырылады. Нарратология бойынша уақиғаның және кейіпкердің табиғаты зерттеледі. Жеке концепттер және мифологемалар анықталады.

Тірек сөздер: наррация, дерек, квазидеректі нарратив, уақиға, концепт, кейіпкер.

Summary

S. M. Altynbayeva

(Kazakh national pedagogical university named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan)

SOME PECULIARITIES OF THE NARRATION OF THE MODERN KAZAKH PROSE

In the article the questions of functioning of documentary and quasidocumentary narration in modern Kazakh prose are considered. The event and character nature from the point of view of a narratology is investigated. Separate concepts and mythemes are allocated.

Keywords: narration, document, quasidocumentary narrare, event, concept, person.

Поступила 22.10.2013 г.